

Поэт обращается к партии

Мне партия дала глаза и память снова. Я, видно, позабыл, как детский сумрак...

Французский мари

Пришли предательские дни. Дниши грезил, ночной резни. Когда вода мутнеет мрачно, И только влага слез прозрачна...

Париж

Где зорче дышишь среди непогоды. Где шире видишь в самом сердце мглы? Где мучество — как алкоголь незгоды...

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Наши друзья

Сейчас в Москве гостит французский поэт Луи Арагон и его жена, хотелось бы сказать — его боевая подруга Элиза Триоле.

Элиза Триоле — популярная во Франции писательница. Одно из последних ее произведений — сборник новелл, посвященный борьбе французского народа с немецкими оккупантами.

С начала второй мировой войны Луи Арагон — офицер французской армии, участник битвы в Дюнкере. Он пережил, как солдат, жуткие дни разгрома родной страны и ее унижения.

Луи Арагон и Элиза Триоле — активные работники подполья в течение всех лет немецкой оккупации. Оба они жили под чужими именами, печатали подпольные листовки и газеты.

Статьи Арагона, написанные им за последние годы, представляют собой одно из самых значительных и светлых явлений современной западной литературы.

Сначала вторая мировая войны Луи Арагон — офицер французской армии, участник битвы в Дюнкере. Он пережил, как солдат, жуткие дни разгрома родной страны и ее унижения.

Н. ЗАМОШКИН Сибирская повесть

Если бы Сергей Сартаков и не заверил нас в том, что пять рассказов его о рабочем Сибирске Алексее Худогонове и его жене Катюше не вымысел, — мы все равно бы так оценили их.

Живут Худогоновы в далеких таежных краях, среди болот и лесов, но это, разумеется, не прежняя российская глухомань, о которой горьковский житель Окорова Сима Девушкин говорил: «Поздны у нас — леса, впереди — болота, господи, помилуй нас, жить нам нехота».

Чтобы лучше присмотреться к войне в доверие к своему герою, Сартаков прибегает к своему ученику и безупречному почитателю, давая тем самым ему возможность обнаружить себя до конца. Он неосторожно следует за Худогоновым, подслушивает его поблуды, входит в подробности его рабочей, таежной и семейной жизни.

Автор хорошо ведет свою роль, более или менее умея плыть собой и свое манерно, ибо он в самом деле увлечен Алексеем и его Катюшей.

«Смоленский альманах» радует самым фактом своего выхода в свет. Опрятно изданный, он — живое свидетельство возрождения Смоленска и Смоленщины — города и области, особенно жестоко пострадавших от немецко-фашистского нашествия.

На общем фоне поэтического материала «Смоленский альманах» выделяются четыре стихотворения Н. Грибачева — и полнотой чувств, и отчетливостью поэтической формы.

Отдел прозы альманаха включает главы из повести Н. Антонова «Город на Днепре», рассказы Н. Новикова «Староста из Новой Вербы», четыре военных рассказа В. Шургины и рассказы В. Ардаматского «Архангел».

«Города на Днепре» Н. Антонов изображает Смоленск первых недель войны, картины варварских бомбежек города немцами, эвакуацию гражданского населения.

Пять стихотворений Рыленкова, опубликованных в альманахе, снова свидетельствуют о том, что военные годы обогатили поэта, углубили содержание его лирики.

Исполненные гаснут соловьи. Космы зарей поплыли во мле. По небу поплыли в вышине. Все влетело по железной земле.

Это, конечно, не стихи, а ученические опыты, и редакция альманаха должна была разграничить это Ю. Александрову. Стихи В. Лютый крайне примитивны по форме.

В стихотворении Н. Полюкова «Ночь в пути» несколько живых строк, исполненных искреннего чувства, исполнены неприятной манерностью и оригинальничаньем.

«Смоленский альманах». Кн. I. Смоленск, изд-во, 1945.

лю обреченные (?) луной — это и бессмысленно и совсем не поэтично. Два стихотворения С. Фиксина серьезные и интересные, хотя их поэтическое звучание слышится однообразно витиеватым, примитивным и неточным ритмом.

«Города на Днепре» Н. Антонов изображает Смоленск первых недель войны, картины варварских бомбежек города немцами, эвакуацию гражданского населения.

«На фабрику Семен шел в приподнятом настроении. Какое-то и он смеялся, засунув руки в карманы. Болели, но не воярели, как это всегда бывает со всеми болезнями, вылезла его из строя на целых три месяца.

Таких нагромождений словесных штампов, втянутых напрокат из посредственного газетного очерка, нельзя живо характеризовать думой серьезного человека.

Н. Антонов пишет: «У Семена защемило сердце» или «Перебрав кончики волос жедал, Семен отвечал», не чувствуя натяжки, неуместности, неточности своих слов.

Среди рассказов В. Шургины лучше других «Где мои гранаты». Эпизод боевой жизни, рассказанный в нем, точен и необычен по жанру правил и прозаическим телом дышащим фронтového товарищества.

«Смоленский альманах». Кн. I. Смоленск, изд-во, 1945.

Николай БАРАТАШВИЛИ СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Ночь на Святой горе теперь так бесподобна, И повторю всегда дословно и подробно. Что думал и шептал тогда средь темноты.

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Нераскрывшейся розе твердил соловей: «О, владычица роза, в минуту раскрытия Дай свидетелем роскоши быть мне твоей».

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Сартаков свидетельствует, что Худогонов «раскаивался с удивительным мастерством» в слободу Худогоновы в его изложении становился сочным, красочной картинкой.

В третьем и четвертом рассказах Алексей выступает уже не как охотник-добытчик, а как незаурядный кадровый рабочий.

Замечательна в нем забота о нравственной красоте человеческих поступков, душевной чистоте, критичности и самостоятельности взглядов.

умирать, а в остальном — печальная разведка! Когда же покажут наши вальдусты командиры, открывшие всемогущее искусство своего боевого удара, склянного даже прихвастнуть его, такого, каких каждый многократно наблюдал в реальной действительности?

В рассказе Н. Новикова «Староста из Новой Вербы» интересная фабула (бывший колхозный бригадир Луничков, ненавидимый всем селом за то, что согласился работать на немецкой старостой, на самом деле партизан, выполняющий задания своего отряда) подана сухо, схематично.

Очень интересен собранный И. Канем. Поэтическим антифашистским фольклором Смоленщины «непокоренное слово народных Частушки, прибаутки, пословицы, песни, частушки, пародии и народные сказания, записанные от колхозниц, партизан и рабочих Смоленской области, ярко и образно передают и великое народное горе и лихую годину Смоленщины, и страстную ненависть к фашистским захватчикам, и непоколебимую веру в грядущее освобождение от фашистского гнета, веру в Красную Армию, в Сталина.

В отделе критики альманаха обращает на себя внимание статья Л. Озерова «Рядовой Василий Теркин», в которой, наряду с положительными, в решении вопроса о творчестве Озерова излагает обобщительные и давно высказанные взгляды на поэму, а крайней разубедительностью своего стиля и грубыми фактическими ошибками в критических отступлениях и аналогиях.

«Так уже повелось в литературе, главным образом, западно-европейской, что солдат — персонаж публицистический, референтский. Это «вещный солдат», имея рек, среднее арифметическое всей военной мысли. Острижен, а форме рядового, одним словом — солдат на все сто, каким его изображают иллюстрации к разнообразным уставам и наставлениям.

«На фабрику Семен шел в приподнятом настроении. Какое-то и он смеялся, засунув руки в карманы. Болели, но не воярели, как это всегда бывает со всеми болезнями, вылезла его из строя на целых три месяца.

Среди рассказов В. Шургины лучше других «Где мои гранаты». Эпизод боевой жизни, рассказанный в нем, точен и необычен по жанру правил и прозаическим телом дышащим фронтového товарищества.

«Смоленский альманах». Кн. I. Смоленск, изд-во, 1945.

Николай БАРАТАШВИЛИ СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Ночь на Святой горе теперь так бесподобна, И повторю всегда дословно и подробно. Что думал и шептал тогда средь темноты.

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Нераскрывшейся розе твердил соловей: «О, владычица роза, в минуту раскрытия Дай свидетелем роскоши быть мне твоей».

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Сартаков свидетельствует, что Худогонов «раскаивался с удивительным мастерством» в слободу Худогоновы в его изложении становился сочным, красочной картинкой.

Замечательна в нем забота о нравственной красоте человеческих поступков, душевной чистоте, критичности и самостоятельности взглядов.

Вышел второй альбом стихов С. Маршак и рисунков художников Куркрынских — «Черным по белому».

«Смоленский альманах» радует самым фактом своего выхода в свет. Опрятно изданный, он — живое свидетельство возрождения Смоленска и Смоленщины — города и области, особенно жестоко пострадавших от немецко-фашистского нашествия.

«Города на Днепре» Н. Антонов изображает Смоленск первых недель войны, картины варварских бомбежек города немцами, эвакуацию гражданского населения.

«На фабрику Семен шел в приподнятом настроении. Какое-то и он смеялся, засунув руки в карманы. Болели, но не воярели, как это всегда бывает со всеми болезнями, вылезла его из строя на целых три месяца.

Таких нагромождений словесных штампов, втянутых напрокат из посредственного газетного очерка, нельзя живо характеризовать думой серьезного человека.

Н. Антонов пишет: «У Семена защемило сердце» или «Перебрав кончики волос жедал, Семен отвечал», не чувствуя натяжки, неуместности, неточности своих слов.

Среди рассказов В. Шургины лучше других «Где мои гранаты». Эпизод боевой жизни, рассказанный в нем, точен и необычен по жанру правил и прозаическим телом дышащим фронтového товарищества.

«Смоленский альманах». Кн. I. Смоленск, изд-во, 1945.

Николай БАРАТАШВИЛИ СУМЕРКИ НА МТАЦМИНДЕ

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Ночь на Святой горе теперь так бесподобна, И повторю всегда дословно и подробно. Что думал и шептал тогда средь темноты.

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Нераскрывшейся розе твердил соловей: «О, владычица роза, в минуту раскрытия Дай свидетелем роскоши быть мне твоей».

И ветер налетал по временам в ущелье, И громко шелестел всеенное листво. Когда мне тяжело, довольно только.

Сартаков свидетельствует, что Худогонов «раскаивался с удивительным мастерством» в слободу Худогоновы в его изложении становился сочным, красочной картинкой.

Замечательна в нем забота о нравственной красоте человеческих поступков, душевной чистоте, критичности и самостоятельности взглядов.

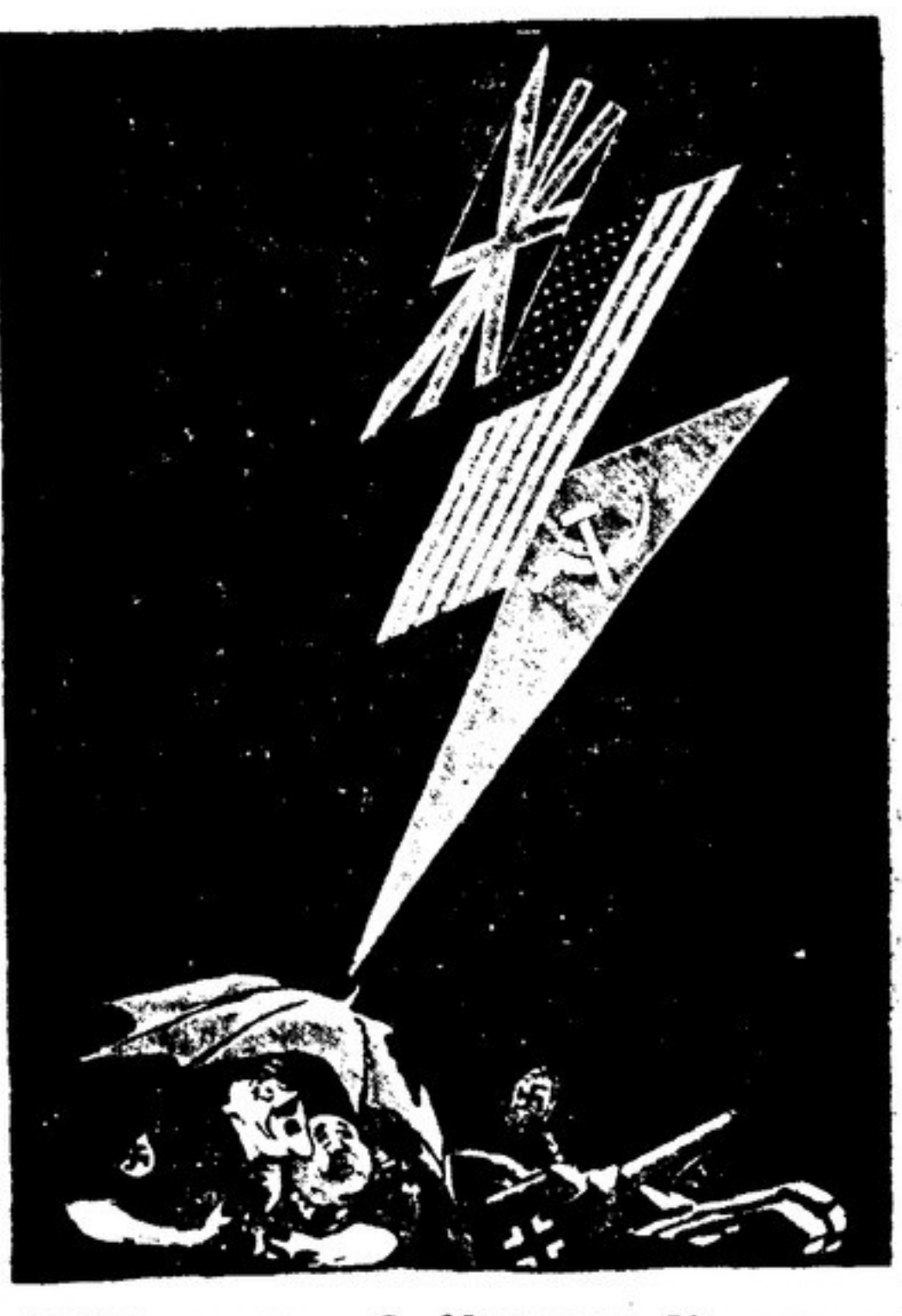

Рисунок из книги С. Маршак, Куркрынских «Черным по белому».

Виктор МАРЕЦКИЙ
СТИХИ А. БЕЛЕВИЧА

Антон Белевич принадлежит к младшему поколению белорусских поэтов. Его поэтический голос окреп в годы Великой Отечественной войны. Он не всегда еще звучит достаточно уверенно и твердо, но в нем уже явно слышны самостоятельные ноты. Поэт черпает вдохновение из тех же живых источников, которые воплодились в поэме «Мой голубь», открывающей сборник и занимающей почти половину книги.

Герой поэмы лесник Афанас Корчик — не боц, не отважный партизан. Афанас Корчик покидает свою деревню, чтобы искать корову и теленка, которых у него украли. Корчик вынужден думать, что война «спредет сторожок». Но когда он вышел на широкие дороги и в дремучие леса, он увидел, как зор и жесток враг. Афанас Корчик очутился в красноармейском штабе; он еще не понимал, какие принес ценные сведения о враге. Он не сознавал своего места в борьбе и тогда, когда вел советских бойцов по ему одному ведомым потаенным тропам. Он стал сознательным бойцом только тогда, когда вернулся к своей хате, увидел пепелище, а перед пепелищем «на черной спальной стене, свою жену Маланью: ее казнили за то, что она не сказала, где находится ее муж».

Маланью немцы повели к штабу и там придушили ее пытками: если она доведет до хаты зажженную свечу, ее помилуют. С большой силой написана строка о том, как женщина шла по деревне с зажженной свечой, и люди молились, чтобы ветер утих и огонь не погас. Но когда она донесла горящую свечу, три пули догнали Маланью, упала она, поползла, и кровь огонь залила. Потом ее, еще живую, палачи повесили на сосе.

Огонь, который несла в руках Маланья, не погас, он зажег сердца людей: «И все село ведет Маланья Корчик за собой». Вместе со всем селом уходит в Мельницкий бор осиротевший Афанас.

Бойцам-партизанам посвящает Белевич цикл стихов «Я из Дубровки», «Разведчик», «Метель в Дубровке», «Кованин», «Убийца Мина», «Гимн бойцу», «В партизанском крае». В этих стихах — нежная любовь к родному краю, к родному полю, к родному человеку.

Взрой в побуду проникнуть стихи Антона Белевича, написанные в страдную пору жестоких боев:

Я знаю,
Я беру —
Вернусь я,
Как только весенние гуер
Напыются на наших овра.

И потому так волнуют стихи его, в которых отражена уже радость первых побед: «Ты в думах и во сне», «На Полесье гордысть таккой».

К сожалению, радость первого знакомства с поэтом омрачена небрежным переводом (переводы Д. Осина, Бор. Ирвинья, В. Зяглицева). Начать хотя бы с того, что книжка называется «Человек из Дубровки», в то время как в тексте все время говорится «Дубровка». В поэме мы читаем: «воротилась она в дом», «еще ни разу лесники такой не видели разбой», «кажд ног, бот», «шопчет сам с собой», «смакуда не раз слезники с глаза», «сны у старух ворот стоят, не шелохнут...». В стихах — «спарил полесский пытак» (спрашивает), «котдава просторам он соредаль», «родимое подворье», «Я глажу бархат на крыле», «свраг мой в племени таком родился». Этот список можно было бы продолжить. Ограничимся лишь еще одним примером: «Кукушка леньтею теплом родным, как встарь, коснулась мне ушей».

Антон Белевич. «Человек из Дубровки». Поэма и стихи. Гослитиздат. М. 1945 г. стр. 87.

Обложка книги Э. Сетон-Томпсон «Моя жизнь», работа художника Г. Никольского (Детгиз).

Иллюстрация художника В. Доброклюнского к книге Геннадия Фина «Дальний поиск» — рассказ о разведчиках, выходящей в «Военной библиотеке школьника» (Детгиз).

Як. РЫКАЧЕВ РОМАН О НАРОДНОМ ГЕРОЕ

Роман В. Сафонова «Дорога на простор» повествует об историческом расширении русского государства на восток, в сторону безлюдных просторов Сибири, о знаменитом полкводе Ермака.

Ермак принадлежит к той могучей чреде русских исторических деятелей, которые вышли из самых глубин народа.

Ермак выдвинулся впервые как исторический деятель в военный поход в громадные, пустынные сибирские просторы, куда он выдвинулся к концу царствования Грозного во главе нескольких сот казаков; свои легендарные подвиги он совершил в страшной — по тем временам — отдаленности от населенных русских мест и, тем более, от центра государства. Надо ли говорить, что история сохранила о нем свидетельства столь скудные, что для русской историографии он всегда представлял собой скорее некую героическую категорию, чем живую личность. Именно эта крайняя скудость сведений, почти не пополнившихся в течение столетий, и привела к тому, что образ Ермака — отличное от образа Разина и, особенно, Пугачева, — как бы застыл в неподвижности с той самой порой, как он впервые предстал народу в своем единственном, общем качестве «покорителя Сибири».

Не повезло Ермаку и в художественно-исторической литературе. Здесь нельзя указать ни одного сколько-нибудь значительного произведения, да и самое число их невелико.

Но была и еще одна немаловажная причина, определившая в сочетании со скудостью материала — невозможность подлинно-художественного воссоздания личности Ермака. Это — общепризнанный ложный взгляд на самое событие, как на случайный подвиг нескольких сот казаков-отшельников, движимых исключительным стремлением замолить свои «грехи» перед московским государем, либо уйти подальше от его каравющей десницы. При таком узком и, следовательно, искаженном взгляде, спроецированном марксистской историографией, все красноречивое и процессом естественного территориального расширения русской государственности, сводилось лишь к беззастенчивой смелости полуразбойной ватаги, якобы «не ведавшей, что творит». Надо ли говорить, как обеднял подобный взгляд значение сибирского похода Ермака, его народно-исторический смысл? Подобная же участь постигла в старой историографии и «малых» премирников Ермака: Дежнева, Стадухина, Пояркова, Хабарова, Атласова и других замечательных открытателей, самое множество которых, казалось бы, свидетельствовало именно о наличии не только государственного, но и в первую очередь, народного движения.

В. Сафонова сделал первую в нашей литературе серьезную попытку воссоздать действительность великого сибирского похода и образы его участников.

В той малой мере, в какой исторические источники могли сообщить достоверность образу Ермака, они использованы автором полностью, и притом, с несомненным умением и художественным тактом. Автор домыслил малейшие намеки, имеющиеся в материалах, и нашел для них наиболее естественные: они образуют, так сказать, костяк, контур образа. Автору грозилась немалая опасность: не умеренный твердый установившимися фактами свободный ход воображения мог привести его к утрате меры, к художественному произволу, к излишней субъективности трактовки. Но истинным лакейским образом свидетельствует о том, что автор благополучно избег этой опасности.

Сумрачный, молчаливый, жесткий человек, хранивший свои заветные чувства и думы в недоступной глубине души; отрешенный от грубой корысти, от мелких побуждений, от низких страстей; разумный, пронзительный, простой, словно возмужавший в себя многовековой опыт народно-исторической жизни; ярый народоловец, враждебный царю, но отдающийся себе отчет в великой исторической миссии московской государственности, и потому сопрягающий с ней свои усилия; беспощадный к врагам своего дела, требовательный к подчиненным, гибкий политик, бесстрашный воин, народный избранник, в сознании своей силы постигающий свою избранность, — таков Ермак в романе В. Сафонова.

Ермак отнюдь не дан «готовым», начисто выделенным с первых же страниц романа. Он формируется и растет от главы к главе, как бы на глазах читателя, в движении реальных исторических обстоятельств, сплетения и поворота которых вскрывают все

новые пласты его богатой натуры. Сложными и трудными путями приходит он, человек великих дерзаний, железной мечтой о «казакском царстве» в новых, нетронутых просторах, куда не достигал десница Москвитин-вездеходящий, к осознанию своего исторического назначения. Но раз осознал, он уже идет к этой высокой цели напрямик, без отклонений, без колебаний, жестоко подавляя всякое сопротивление и ропот.

Каким-то внутренним неблагополучием и мурмым недовольством отмечены для Ермака годы, когда он со своей ватагой «гулял» на Волге, разбивая купеческие суда. Это не было просто разбоем, нет: то была форма социального протеста самой обездоленной и угнетенной части казачества. И уже здесь автор тонким штрихом отметил крепнущий государственный разум Ермака.

«Низкие путы давали спускаться сверху, с нимил недобрым бот. Веали в Астрахань, припас, сараф, жалованье, Ермак слушал догадликом, загода повешавшим волынку, потом долго смотрел на Волгу, шапку сбав на затылок, Решил вдруг: — Этих пропустит, не замая. По всей волынке, по всем ватагам, чьи бы они ни были, объявил: — Батка судил, не замая. — Я сам себе батка», — ответил атаман Решето. — Мой суд и мой рассуд».

Атаман Решето напал на московские суда. Ермак не стал мешать ему: «на воде казаки не мешались в казачий дела. Он дал приказ своим людям изрубить и зажечь шалаши в стане Решета. А когда тот, неслучая, ринулся на помощь своим, люди Ермака скрутили ему руки и привели к атаману.

— Иди по твоему, — проговорил Решето и выругался. — Перевадился — будя. — Еще не по моему. — Ермак подошел к нему. — Еще будет по моему».

Он выхватил саблю, помедлил, глядя на его задрожавшие плечи и выкатывшиеся глаза, потом замаяхнулся.

Так он брал в руки гудевую Волгу». А потом Москва решила раз навсегда пресечь волжский разбой. Грозный с полной определенностью создал значение этого великого водного пути для Московского государства. А Ермак в это время застрял Строгановы, эти некоронованные цари русского северо-востока. Им нужен был могучий атаман для дальнейшей торговой колонизации, уже перемкнувшей частично через Камень, через Урал и повстречавшийся там с враждебным Московке ханом Кучумом.

По видимости, Ермак, тонкий дипломат и политик, согласился служить Строгановым, но автор показывает, как глубоко понял он сущность Строгановых, для которых личная корысть была бесконечно важнее государственного интереса. Нет, он использует их оружие, их припасы, но не прольет и капли казачьей крови, чтобы приумножить немалые богатства этих жестоких статжителей!

В романе показано, как постепенно расширяется, блекнет в сознании казаков — и прежде всего в сознании их вожака — мечта о «казакском царстве», как начинают они

Иллюстрация художника И. Гринштейна к книге Л. Соловьева «Иван Никулин — русский матрос» (Детгиз).

постигать, что необоримую силу сообщает им оружие, не копящийся бой, не беззастенчивый атака и даже не направленный разум их атамана, а чувство нерасторжимой связи с тем безмерно-могучим единством, что они оставили по ту сторону Камня: с Русью, с родным народом. Да, высокая, самая высокая, общенародная цель ведет их сквозь строй немесных врагов и сообщает им «необоримость» их оружием.

По Паве плаща еще волжская казачья ватага, а на углу встало русское войско, несущее в полудикой просторы начала иной государственности. Эта государственность воплощена теперь в образе Ермака. Он покоряется теперь обездоленному и угнетенному человеку на его стороне, нещадно преследует и бьет своего главного врага, хана Кучума, ставит укрепленные городки, соединяет торговые сибирские и бухарские купцов с Москвой. И когда он, наконец, вылет, чьи силы, и разум его уже неостановит, чтобы забыть представшую ему историческую задачу, — он шлет в Москву посольство, снабдив его грамотой и дарми: пришла пора Москве принять под свой скипетр новые земли, жудкие пахара и строения, Дорога на простор открыта...

Таков внутренний путь Ермака, такова его историческая личность, воссозданная художником. Мы передали только основные моменты авторского повествования. Роман В. Сафонова многосложен и богат сюжетными ответвлениями, жанровыми пейзажами. Нельзя сказать, что все эпизоды, слагающие обширную ткань романа, одинаково удались автору, но ни одна частная неудача не искажает сколько-нибудь приметно образа всей вещи, которой нельзя отказать ни в художественной целостности, ни в значительности, ни в тематическом новаторстве, впервые открывшем для нашей художественно-исторической литературы непритонное богатство одного из важнейших событий русской истории.

Образы некоторых сподвижников Ермака очерчены недостаточно внятно, и ориентиром для читателя иной раз служит кличка или имя; но зато и роль ни уделена в романе не большая, и не решающая; эту небрежность пера легко исправить для следующего издания. Не обидно Ермаку, сущий на себе главную инициалу и сюжетную нагрузку романа, выделен смело и уверенно, без обхода трудностей. Столь же удачно автору и образ Ивана Кольцо, жизнерадо, гудяки и хитреца, с большими страстями и широкой, благородной душой, с затейным умом и природной смекалкой, щедро раскрывшимся вдруг перед лицом Грозного, в Москве, в сложном искомом деле, пронизавшем доверием имя Ермака. Убедительны, в общем, и трудный для постижения образ Грозного, и восторженные фигуры из состава сибирского посольства, и пейзажи Москвы, и вся обстановка приема посольства в царском дворце, и типы дьяков и бояр.

Язык романа выразителен, но нередко слова вдруг «откаываются» автору: «Гора вздувалась глиняными склонами за отвесными рами, за сумрачным ущельем, где катилась Сибирь». Ключи были на дне ущелья вода, сочилась под оборокажи: «Гумбольдт и др. Его первый лебят в области литературы художественно-исторической — обещающая удача».

За этими словами пейзаж просто не виден. Встречаются также и стилизные выражения, чуждые всей тональности текста: «На просторе не рождалось эхо, жидел тесноты», «Поразительная вещь» и т. д.

Подобным стилизмом сыромя, на наш взгляд, является и вся глава «Путь пины», переосмысленная в Бухару, которая претендовала в ту пору на Кучумово царство. Глава эта, при всех своих частных достоинствах, написана нет обработанным, «восточным», сказочным стилем, который не позволяет увидеть за традиционной словесной вязью живую историческую действительность средне-азиатского востока.

Но, повторяем, все эти недочеты иной раз немалые, в восприятии читателя как бы скрадываются, сменяются большим текстовым потоком романа, обильнее отличными написанными эпизодами. Автор справился с поставленной себе трудной художественной задачей. До сих пор В. Сафонова был известен читателю как автор талантливых и комических книг, относящихся к жанру научно-художественной литературы: «Власть над дельцей», «Гумбольдт и др. Его первый лебят в области литературы художественно-исторической — обещающая удача».

подвешенности к активности выражен в одной фразе: «Да-а, а жить-то надо!» А затем идут выверженные красоты, почерпнутые из «Литературных приложений» к «Ниве»: «Лучше играть крупные голубые звезды» и отчетно-протокольное — «прислунил к утешению баня».

В рассказе Паустовского героиня колеблется, прежде чем войти в дом, где находится любимый ею человек. «Самойлова поднялась на крыльцо, села на скамейку и прижалась лбом к деревянному перилам. Так она простояла несколько минут, потом порывисто встала и постучала в дверь. Нет, не прижималась Самойлова к перилам, их нет уже, они стертые напосто тысячами лбов других литературных героев. Это жест, в котором не осталось ничего живого, искреннего — один толчок напирши».

Герой Сергея Юрлова борется не на жизнь, а на смерть с немцем. Борьба длинная и упорная. Силы обоих противников на исходе. И это мгновение, «сам того не замечая, Андрей запел. Это была песня без слов, просто знакомый мотив, но вместе с песней выливалось то, что переполняло его сердце». И нам представляется, что пел Андрей в совсем неподходящей обстановке только ради большей «поэтичности».

Откуда же эта литературщина, эта пустая и претенциозная условность? Шаблонные характеристики, износившие эпитеты, бедный, безжизненный словарь являются там, где отсутствуют мысль, самостоятельное видение мира, широта наблюдений и выводов.

Автоматизм мышления, рожденное отношение к теме, к слову, к сюжету наиболее распространены в малых драматургических произведениях. Рассказ требует концентрации выразительных средств, максимального внутреннего напряжения, строгого отбора элементов повествования. В этом напряженном растворе тотчас же становятся заметны пустые и мимные места, трафареты и «заменил». Злобедность темы, претензия на проблемность с обильной режиссурой обнажают отсутствие художественного содержания в рассказах, подобных тем, о которых здесь идет речь.

В одном из писем А. П. Чехов подчеркивает важность для художника «правильной постановки вопроса». Сравнительно художника

И. СЕРГИЕВСКИЙ Книга о детстве и юности Лермонтова

Каждое место займет в литературе о Лермонтове фундаментальная биография поэта, задуманная Н. Бродским, — положительно ответить на этот вопрос можно будет лишь тогда, когда она будет завершена автором. Пока его замысел осуществлен лишь частично: в пяти главах первого тома, посвященном детству Лермонтова, его биографии в Московском университетском библиотеком пансионе, наконец, поре его студенчества, т. е. становлению творческой личности.

Достоинства вышедшей книги неоспоримы. Основное из них — исключительная добросовестность, проявленная исследователем в разрешении поставленных им перед собою задач.

Разработка биографии Лермонтова осложнена целым рядом своих, особых трудностей. Одна из них заключается в том, что жизнь поэта, особенно в период его детства, отрочества и юности, крайне слабо документирована. Именно этим и объясняется отчасти то обстоятельство, что путь поэта часто рассматривался как путь индивидуалиста-одиночки, замкнутого в кругу своих личных переживаний, оторванного от широкого идейного движения своего времени. Чтобы отойти от этого явно порочного представления, исследователь должен был развить тесный круг прямых свидетельских показаний, преодолеть фетишизм документов, отвлечься от фиксации данного и обратиться к анализу возможного и вероятного.

Именно в этом направлении развертывается работа Н. Бродского. Лермонтов был современником напряженной, богатой реальным историческим содержанием эпохи. Годы, непосредственно следующие за рождением Лермонтова в 1815 году, были временем жестокой политической реакции, но никак не временем интеллектуального упадка или застоя. Именно в эти годы закладываются первоначальные узлы острых идеологических конфликтов последующего десятилетия. Московский университетский благородный пансион, где учился поэт, был не только хорошим учебным заведением, но и играл роль выдающегося культурного центра страны, а также одного из очагов философского и политического возмущения. Именно здесь зарождалась и созрела русское либеральное — идейное движение передовой дворянской молодежи тех лет. В Московском университете Лермонтов учился почти одновременно с Белинским и одновременно с Гершеном.

Было бы совершенно противостоительно предположить, что та среда, в окружении которой протекали детские, отроческие и юношеские годы поэта, не оказала никакого воздействия на его жизненный и творческий рост. Допускать такую возможность — значит совершенно игнорировать Лермонтова от условий времени и пространства, т. е. в корне подорвать возможность исторического истолкования его творческого сознания. В то же время мы уже говорили, что материал, который прямо и непосредственно характеризовал бы связь Лермонтова с окружающей его средой, крайне ограничен. Н. Бродский поступает вполне правильно, широко используя материал косвенный: исторический, литературный, бытовой.

Правда, широкое использование материала такого рода сообщает работе оттенок большой громоздкости, тоскловести. В книге, представляющей собою биографию Лермонтова, читатель минует один десяток страниц за другим, ни разу не встречая даже имени поэта. Зато пространно излагаются учебные программы и планы Московского университетского благородного пансиона, подробно характеризуется профессора, описывается пансионская рукописная библиотека. Но зато тот воздух, который дышал юноша-Лермонтов, и то количество обращения к этому косвенному материалу открывает широкое поле для тех исторических аналогий и параллелей, домыслов и

Н. П. Бродский. М. Ю. Лермонтов. Том I. 1812—1828 гг. М. 1945. Стр. 348. Тир. 20 000. Цена 7 руб.

А. АРШАРУНИ «АМПАБЕРД»

Кер-Оглы — храбрый воин, пламенный патриот, мужественный защитник интересов народа, верный друг. Веками живет образ Кер-Оглы в устном творчестве азербайджанцев.

Легенды и сказки о Кер-Оглы стали достоянием многих народов Ближнего Востока.

Армянские ашуги, начиная с XVII века, пели о Кер-Оглы. Эта традиция живет и теперь; уже в годы Отечественной войны вышел удивительный том песенных легенд о Кер-Оглы на армянском языке. В XIX веке видные армянские писатели, в том числе Рафаил Патканян и Хазарос Агамян, литературно обрабатывали мотивы эпических сказаний о Кер-Оглы. Ашот Граши написал о Кер-Оглы пьесу в излюбленной им форме народных песен. Это первая пьеса Ашота Граши. Ее герой, азербайджанец, борется с врагами: рука об руку со своими единомышленниками-армянами, армяном Ваграмом, грузином Шота, азербайджанцами Бюнда-Баханом, Исабали и другими.

Ашот Граши. «Ампаберд». Героическая драма в 4 актах (на армянском языке). «Азгнеш», Баку, 1945 г.

догадок, без которых биография поэта, особенно в ранние годы его жизни, едва ли не сводится к незначительному перечню фактов, преимущественно внешнего порядка.

Но материал этот, разумеется, должен быть не только продемонстрирован. Мало перечислить круг возможных впечатлений и встреч молодого Лермонтова. Надо еще показать то знание, которое могло иметь значение для формирования общего строя мыслей и чувствований. Эта вторая половина задачи, стоящая перед исследователем, разрешена Н. Бродским не так полно, как первая. Мы не хотим этим опорочить его работу. Демонстрируемый Бродским материал не самодостаточен в книге; он все располагается вокруг основного положения: «единство тем, вопросов, идейных исканий у Лермонтова и его современников проявлено постоянно». Замечательные размышления Н. Бродского о Лермонтове, как главно в кружке университетской молодежи, в котором «обсуждались те же темы, что и на собраниях у Вадима Пассека или Огарева, на квартире Станкевича» — размышления, позволяющие сделать важнейший вывод о том, что «Лермонтов-студент жил в одном кругу с Гершеном, Белинским, Бродским, Огаревым, и также что «Лермонтов, будучи студентом, стал подлинным поэтом этого поколения», — эти размышления являются настоящим литературным открытием.

Отдельные формулировки в работе Н. Бродского грешат чрезмерной прямолинейностью. Одинадцатилетний Лермонтов, подобно тринадцатилетнему Герцену, «мало понимая или очень смутно, в чем дело, тревожно задался над событиями 1825 года», — это весьма взыротно, но не «бесспорно», как и то, что пантеистическая концепция, разрабатываемая известным русским натуралистом Павловым, «была продумана поэтом и образно передана в его ранних стихах», что «Лермонтов, учеником поэтученого «приписав по душе» юному поэту «идею» о «бесконечности». Эти суждения вытравли бы, если бы они были более конкретизированы, подтверждены живыми примерами.

Удалось ли Н. Бродскому создать цельный, исторически правдивый, глубоко продуманный и свободный от схематизма образ поэта? В конечном счете ведь именно такая задача биографа любого культурного деятеля прошлого. Окончательное суждение по этому вопросу, в большей степени, чем по любому другому из вопросов, можно будет внести лишь тогда, когда книга будет завершена. Одна опасность подтверждает исследователя, о ней можно говорить уже сейчас, как об очень серьезной. Все, что говорится о Лермонтове, как натуре действительной и властной, всем существом своим враждебной насилию и произволу, верно, конечно. Но не слишком ли мелко исследователю выискивать эти душевные качества поэта, вспоминая о них там, где право, это вовсе не обязательно? Такой уклон у Н. Бродского есть. Известно, что после разгрома Московского университетского благородного пансиона, учиненного в 1830 году, лишившего его привилегированное учебное заведение всех его преимуществ, многие наиболее культурные дворянские семьи позавидовали оттуда своих питомцев. В числе последних оказался и Лермонтов. Но вряд ли есть основания говорить об этом эпизоде, как о «первой демонстрации поэта против царского самодержавия, раннее намек на предстоящие схватки с самовластием, своеобразной форме протеста против насилия...» и т. д. Это именно тот случай, когда «высокий слог» приобретает почти фальшивое звучание.

Книга Н. Бродского не исчерпывает «лермонтовскую тему». Нашим потомкам образ Лермонтова раскрывается, быть может, полнее, чем ныне. Но все же работа Н. Бродского принадлежит к числу наиболее значительных в истории советского литературоведения последних лет. Должно пожелать исследователю успешного завершения его фундаментального замысла.

Право на счастливей конец

Встреча родных после долгой разлуки, возвращение к любимому труду, восстановление разрушенного — это не только «очередные темы», это содержание жизни многих миллионов людей, предмет внимания и забот советской общественности, точка приложения усилий всей страны.

Казалось бы, следует радоваться тому, что большая часть рассказов, появившихся за последние месяцы, написана на эти темы, занимающие сердца и умы читателей. Вас Некрасов пишет о крестьянине, который засекает поля, освобожденные от немцев («Земля зовет», «Огонек» № 23). К. Паустовский — о встрече влюбленных — невесты Самойловой и офицера Луговского («Поздняя весна», «Огонек» № 17). Вл. Козин — о том, как демобилизованный моряк, несмотря на ранение, осуществил свою давнюю мечту — стал тренером («Конские сады», «Огонек» № 31). Вас. Ардаматский — о возвращении лейтенанта Нилова в родное село («Лейтенант заргустил», «Огонек» № 31). Евг. Боснякский и И. Рахтанов — о возвращении разведчика, лишившегося ноги, к жене, которая встала в дом сиротку-девочку, не сообщая об этом мужу, и возникшем из-за этого недоразумении, впрочем, тотчас же счастливо разрешенном («Жена старшина», «Огонек» № 34). С. Юрия — о композиторе, который, вернувшись домой, рассказывает жене о своих фронтовых приключениях («Лесная песня», «Огонек» № 36).

Этот перечень не может, разумеется, дать представления о художественном содержании рассказов. Наверное, каждый из героев несет в мирную жизнь свой личный опыт, свои наблюдения и мысли, свои мечты и надежды. Наверное, каждый из них находится в особом обстоятельстве, и ему приходится решать особые задачи. Ведь именно конкретность, неповторимость героев и сюжетов позволяет художнику передать живое развитие общественной жизни.

Но этого жизненного многообразия нет в описании тех рассказов, авторы, столь нежные меж собой, снова и снова повторяют одну и ту же схему. Начинать читать рассказы вы знаете заранее: если влюбленные ищут друг друга, они встретятся. Если ра-

И. ГРИНБЕРГ

чал о причинах разломки между лейтенантом и певицей. Итак, перед нами — система недоразумений. Искусствоведы, но не искусное торжество и запутывание, неузнавание и недоговоренность. В этом нет ни уловчатости, ни прелесть благополучию, ни — ни одной поучительности. Здесь действуют приемы, умственные в виде, но нетерпимы в рассказах с претензией на серьезность.

Порой авторская инициатива проявляется иначе. У Юрия композитор рассказывает жене о своей схватке с немцем, мпиронизирует на рояли. Паустовский стремится возместить нежность фавулы обильем частностями, искомни ситничавших поэтичности, — вереском, дюнами, гниацнтами, монотонно шумящим штормом. Некрасов, выведя своего героя в поле, застает «весенний ветерок» «теплыми своими пальцами» перебирать борозды сеятеля. Увы, это только автоматически используемые готовые «поэтизмы».

Но даже и в тех случаях, когда зоркий самостоятельный глаз художника обнаруживает живые, свежие детали, это не повышает общей ценности рассказа. У Козина в «Конских садах» хорошо описано движение тени всадка за движением солнца. Но это и в малой степени не позволяет нам лучше понять и почувствовать облик героя и душевную драму, ни пережить.

Козин пишет рассказ о человеке, но в решительный, определяющий момент уклоняется уходить в описание пейзажа. Точно так же и в других рассказах хуже всего написаны центральные, кризисные сцены.

Белинский и Рахтанов, изображая прибытие Белинского в столицу, пишут: «Весело было уже большей части людей. Только маленький, настороженный куцонец еще держался поле сердца». Этот «территориальный» образ автора используют и в дальнейшем, уменьшая или увеличивая очерченность «куцонца», в зависимости от обстоятельств, этим самым освобождая себя от необходимости более тонких определений.

У Василия Некрасова переход героя от подвешенности к активности выражен в одной фразе: «Да-а, а жить-то надо!» А затем идут выверженные красоты, почерпнутые из «Литературных приложений» к «Ниве»: «Лучше играть крупные голубые звезды» и отчетно-протокольное — «прислунил к утешению баня».

Встречаются также и стилизные выражения, чуждые всей тональности текста: «На просторе не рождалось эхо, жидел тесноты», «Поразительная вещь» и т. д.

Подобным стилизмом сыромя, на наш взгляд, является и вся глава «Путь пины», переосмысленная в Бухару, которая претендовала в ту пору на Кучумово царство. Глава эта, при всех своих частных достоинствах, написана нет обработанным, «восточным», сказочным стилем, который не позволяет увидеть за традиционной словесной вязью живую историческую действительность средне-азиатского востока.

Но, повторяем, все эти недочеты иной раз немалые, в восприятии читателя как бы скрадываются, сменяются большим текстовым потоком романа, обильнее отличными написанными эпизодами. Автор справился с поставленной себе трудной художественной задачей. До сих пор В. Сафонова был известен читателю как автор талантливых и комических книг, относящихся к жанру научно-художественной литературы: «Власть над дельцей», «Гумбольдт и др. Его первый лебят в области литературы художественно-исторической — обещающая удача».

подвешенности к активности выражен в одной фразе: «Да-а, а жить-то надо!» А затем идут выверженные красоты, почерпнутые из «Литературных приложений» к «Ниве»: «Лучше играть крупные голубые звезды» и отчетно-протокольное — «прислунил к утешению баня».

Автоматизм мышления, рожденное отношение к теме, к слову, к сюжету наиболее распространены в малых драматургических произведениях. Рассказ требует концентрации выразительных средств, максимального внутреннего напряжения, строгого отбора элементов повествования. В этом напряженном растворе тотчас же становятся заметны пустые и мимные места, трафареты и «заменил». Злобедность темы, претензия на проблемность с обильной режиссурой обнажают отсутствие художественного содержания в рассказах, подобных тем, о которых здесь идет речь.

Жители Закавказья оказывают поддержку Кер-Оглы и его друзьям. В пьесе раскрывается духовный мир Кер-Оглы, характер его борьбы, направленная как против местных угнетателей, так и против их иноземных покровителей. И хотя сценарий преобладает над драматической тканью, фольклорные мотивы не помешали автору создать реалистический сюжет пьесы.

В пьесе есть сквозное действие. Эпизод за эпизодом открывается пред нами исторический смысл борьбы Кер-Оглы.

Недостаток пьесы в том, что второстепенные персонажи (Яман Эфенди, Загнун Эфенди, Хорасан Эфенди, Афлан Эфенди, Длинный Эфенди), нарисованные автором гротескно, вносят в реалистическую среду диссонанс.

Граши назвал свою пьесу героической драмой. Нам кажется, что пред нами скорее — драматическая поэма, и не потому, что Граши особенно удались звучные стихи и песни, которые занимают значительное место в «Ампаберде». Но прежде всего потому, что в этом драматическом произведении очень сильно чувствуется поэт и лишь затем — драматург.

Именно эта одуховленная активность советских людей, моральность их действий и действительность их морали, и ведет повествование ориентировано и глубоко мыслят. Речь информационная или претенциозно цветистая. Фабула — упрощена и бедна до крайности. Рассказ в целом — приблизительный, усвоен, бесцелен.

А между тем сюжет, напряженный и значительный, окружающий рассказчиков. Они существуют и в жизни и в произведении. Вот в «Людях с чистой совестью» генерал-майор Петров Вершигора, между прочим, рассказывает историю отношений комиссара Руднева и смелого, но бесшабашного комроты Карпенко. Как много в этой истории драматизма, не надуманного, не нарочитого, а истинного; и в ней раскрыты реальность жизненных противоречий и направление их развития. Самая трудность роста Карпенко позволяет наилучшим образом увидеть его характер и характер старого большевика Руднева, почув

Новая постановка Московского Еврейского театра — яркое, праздничное представление «Фрейлекс».

Рафаэль КУБЕЛИК на концерте в Большом зале Консерватории

Можно подумать, что перед нами всего только театрализованый ритуал, инсценировка отжившего века обряда.

В Колонном зале Дома союзов в открытии сезона Радиокomitee показал одну из оперных премьер из цикла концертных постановок оперной классики.

Две недели назад открылся новый концертный сезон. Музыкальная жизнь Москвы сейчас уже в разгаре.

В центре двух музыкальных недель — концерты Рафаэля Кубелика, главного дирижера Пражской филармонии.

Рафаэль Кубелик, еще совсем молодой дирижер, обладает не только сильным и нервным артистическим дарованием, но и великолепным мастерством, глубиной и зрелой музыкальной культурой.

Музыкальная интуиция — результат глубокой и древней народной музыкальной культуры родины.

В Колонном зале Дома союзов в открытии сезона Радиокomitee показал одну из оперных премьер из цикла концертных постановок оперной классики.

Уже около десятилетия это монументальнейшее произведение русской эпической оперы отсутствует в репертуаре Большого театра.

В помещении Московского товарищества художников открылась выставка четырех скульпторов — Е. Белашовой, А. Григорьевой, Л. Кардышевой и А. Тенета.

А. Григорьеву зритель знал лишь по отдельным работам, изредка появлявшимся на выставках.

Большой барельеф А. Тенета «Подняв Н. Ковшова» М. Поликовой украшает центр выставки.

Сопоставляя экспонированные работы четвертого участника выставки — Л. Кардышеву, приходишь к выводу, что автор находится еще в стадии поисков и своей темы, и формы, и материала для ее воплощения.

Высоко, под самым куполом, пролезают головокружительные трюки на качающейся трапезии воздушные гимнасты Мироновых.

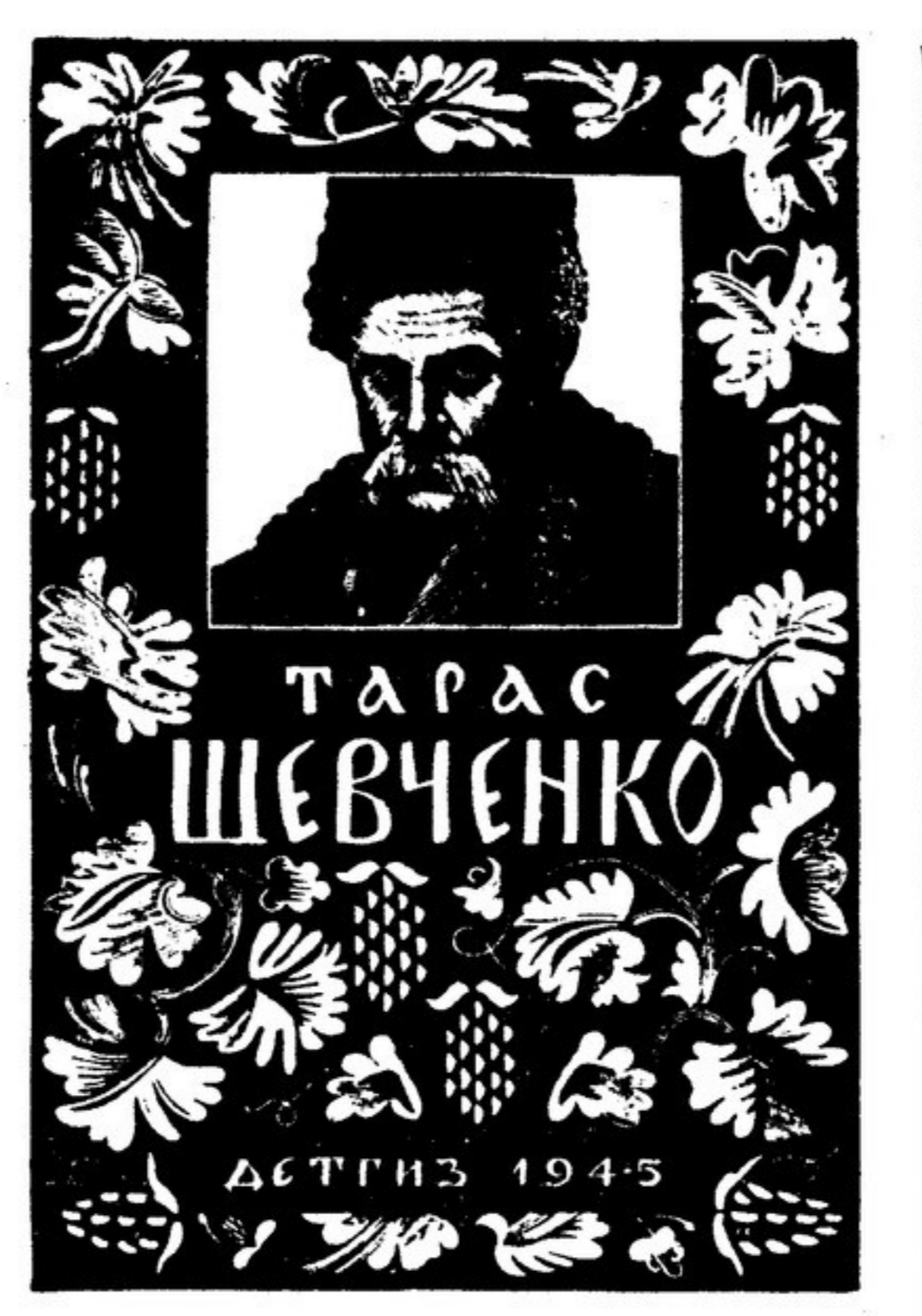
Эта легкость и слаженность исполнения труднейших и подчас опасных трюков составляют прелесть цирковой акробатики.

Руководитель программы следует упрекнуть и за то, что ее акробатическая часть непропорционально велика: из одиннадцати номеров восемь посвящены акробатике.

Третье отделение новой программы целиком отдало Ю. Дурову. За последние годы цирк не балует зрителя показом дрессированных животных — «эльвиная доля» принадлежит акробатике.

Было бы гораздо более ценно, если бы режиссура и тот же Ю. Дуров обратились к существу подлинных традиций русской цирковой клоунады.

Столичный цирк должен был более вдумчиво и тщательно подготовиться к открытию первого послевоенного сезона.

Обложка художника Г. Егенова к книге избранных произведений Тараса Шевченко (Детгиз)

В СОЮЗЕ писателей СССР

Обсуждение «Смоленского альманаха»

На очередном заседании областной комиссии президиума ССП обсуждался «Смоленский альманах».

После доклада Л. Субботского развернулись оживленные прения. Выступающие говорили о значении альманаха для смоленских писателей и читателей.

В обсуждении приняли участие также ростовские писатели Ашот Гарикарян и А. Оленкин-Генченко.

Редактор альманаха Н. Рыленков признал критические замечания справедливыми, подчеркнул значение выхода книги.

В гостях у писателей Ленинграда

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В Доме им. Маяковского состоялась встреча писателей с приехавшей в Ленинград г-жей Смит — редактором журнала «Russia to day».

...только ЦИТАТЫ...

...Сунула руки в карманы брюк. Павел стоит, коса ходит глазом на девушку, и сам не зная чему, радуется.

...Тимофей доложил до кровати, ткнул руку в жаркую мякоть чуть разведенных устально коленей жены и тоже затих.

Литературная жизнь Литвы

«НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ» Под таким названием на днях вышла из печати книга А. Венцловы.

САТИРИЧЕСКИЕ ПОЭМЫ

Известный литовский сатирик Т. Гильвискас, годы оккупации сидевший в нацистском концлагере, ныне продолжает свою любимую работу.

Новые книги Леонида Мартынова

ОМСК. (От наш. корр.). Омское областное государственное издательство выпустило в свет книгу Леонида Мартынова «Поэзия о Тобольском воцеловстве».

Советские книги в Болгарии

В Болгарии вышли из печати новые издания произведений советских писателей: сборники фронтových очерков и рассказов — «Русское сердце» К. Симонова.

Сессия, посвященная Ивану Франко

КИЕВ. (От наш. корр.). В доме-музее Ивана Франко во Львове состоялась научная сессия, посвященная 89-летию со дня рождения великого украинского писателя-демократа И. Франко.

Научные сотрудники Львовского филиала Академии наук УССР прочли пять докладов о жизни и творчестве писателя.

Вечер памяти Паэгле

В Литературном музее Латвийской ССР (Рига) открылась выставка, посвященная памяти писателя-революционера Леона Паэгле.

Луи Арагон. Дружеский шарж Кукрыникова.

А. Васкин Разговор о фельетоне

За последнее время стало модным собирать в редакциях газет узкие, широкие, длинные и суженные совещания по вопросу о фельетоне.

В чем дело, товарищи? — искренне недоумевает представитель редакции. Читатель ждет фельетона! Редакция просто задалась! Авторы, как говорится, ждут: не дождутся! Почему же мы столько ждем? Поговорим, товарищи!

ного разговора с читателем спокойно будет свистать серые, скучные, как он сам, вещи.

Положительный фельетон! Это звучит так же, как, скажем, лирический памфлет или нежная эпиграмма.

Фельетон — жанр обличительный, а не воспевательный. Нужно ли напоминать об этом? Да, нужно! Потому, что даже ветераны фельетонного жанра стали вдруг с неуклюжей ирритивностью рассуждать, допустить, о своей поездке в одно место, где вот-вот должны были они наткнуться на недостатки, но недостатков не оказалось.

тательной и обличительной роли нашей прессы.

И вот редактор одной газеты, договариваясь с известнейшим нашим сатириком о ведении им фельетона в этой газете, так прямо и бухнул: — Только вы того... Фельетоны пишете так: «...один, скажем, отрицательный, и другой уже положительный, чтобы получалось так-на-так».

Есть о чем думать, что подтексты были написаны. Ибо товарищ, боинский подтекста, конечно же, предпочтет заказать его специальному автору, чтобы не читали между строк и все было бы ясно.

Автор пробовал спорить. — Как вы представляете себе массовое явление подобного рода? — спрашивал он. — Две свиньи в отдельных комнатах это — фельетон? — Нет, — сказал редактор, — это 15 штук в петлю.

Редактор явно боялся, что автор подложит ему свинью. Такой разговор действительно был. Редактора потом сняли. Это был человек, страдавший ожирением не только сердца, но и головы.

Еще принято начинать фельетон цитатой. Бухнуть вдруг, ни к чему, ни к горлоду: «Как сказал еще А. С. Пушкин, «любви все возрасты покорны». Ну, хорошо, покорны, а булки тут при чем? Булки, конечно, не при чем, но цитата хорошая.

расширивается: — «Но это только сон... Снов так много, что они уже становятся кошмаром для читателя».

Читатель жадно ищет фельетона в газете. Он выстраивается в очередь в газетной витрине, он пишет письма в редакцию, он просит «прохватить», «продернуть», «привыкать по порядку», «составить вопрос».

Сколько за эти годы появилось новых поэтов, прозаиков, драматургов, даже критиков. Что-то не видно молодых фельетонистов. Более того, престали писать фельетоны такие мастера этого гуднейшего жанра, как В. Катаев, Лев Никулин, Лев Кассиль.

300 строк уже считается каким-то дефективным переростком. Положа руку на сердце, товарищи, какие маленькие фельетоны запомнились вам из прочитанных за последние годы? А сколько больших фельетонов Ильфа и Петрова помним все мы до сих пор!

И, что греха таить, во многом виноваты и сами фельетонисты. Мало мы боремся за свои вещи, мало спорим. А самое главное, не очень хорошо мы ищем. Фельетон — жанр не новый в русской литературе.

Больше фельетонов, товарищи фельетонисты! Больше фельетонов, «коротких и разных»! Ибо, если вышупомнутый читатель хочет оные фельетоны читать, вышупомнутые и неупомнутые фельетонисты оные фельетоны писать, а некие редакция хотят оные фельетоны печатать, то в чем же, собственно, дело?